

Беларусь в ЕАЭС: год спустя

(неутешительные итоги и сомнительные перспективы)

АРСЕНИЙ СИВИЦКИЙ | ЮРИЙ ЦАРИК

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Год в ЕАЭС: неутешительные итоги для Беларуси	4
Влияние экономического кризиса в России на Беларусь	6
Новая «холодная война» vs экономическое развитие	8
Антикризисные предложения Беларуси	9
ЕАЭС: сомнительные перспективы развития	12
Беларусь в поисках альтернатив	13
Новые возможности и риски для Беларуси	14
Выводы и рекомендации	16

ВСТУПЛЕНИЕ

В мае 2014 года в Астане состоялось подписание Договора о ЕАЭС, согласно которому Беларусь, Россия и Казахстан перешли от Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) к более продвинутой фазе экономической интеграции, предполагающей свободное движение товаров, услуг, рабочей силы и капитала, а также выработку скоординированной и согласованной политики в ряде отраслей экономики. Подписание этого договора произошло в самый разгар украинского кризиса и вызванной им геополитической напряженности между Россией и Западом, что впоследствии оказало негативное влияние на динамику евразийских интеграционных процессов. Несмотря на это, ЕАЭС начал функционировать с 1 января 2015 года, а впоследствии к нему присоединились еще два государства – Армения и Кыргызстан.

Несмотря на высокие ожидания от евразийской интеграции, Минск констатирует свою неудовлетворенность как темпом её динамики, так и достигнутыми результатами. До сих пор главными проблемами ЕАЭС являются отсутствие институциональной дисциплины, а также значительное количество изъятий и барьеров во взаимной торговле. Геополитическая напряженность между Россией и Западом уже оказала негативное влияние на национальные экономики постсоветского пространства, в том числе – на экономики государств-участников ЕАЭС. С учетом существенной зависимости от экономической ситуации в России, белорусская экономика самым непосредственным образом ощутила и продолжает ощущать на себе это влияние.

На фоне очевидного кризиса евразийской интеграции Минск сформулировал антикризисный пакет мер для реализации в рамках ЕАЭС и Союзного государства, направленных на смягчение негативного эффекта от внешних шоков. Однако вместо того, чтобы совместно реализовывать данный антикризисный план, Москва взяла курс не только на внешнеполи-

тическую, но и экономическую изоляцию, запустив реализацию программ импортозамещения в различных отраслях экономики, не учитывая потребности и интересы своих партнеров по ЕАЭС.

Неспособность выполнять взятые на себя формальные (предусмотренные Договором о ЕАЭС) и неформальные (основанные на двусторонних договоренностях политического характера) обязательства Кремль оправдывает геополитическим противостоянием с Западом, в которое он также пытается втянуть и ряд постсоветских государств, включая Беларусь.

Кроме того, геополитическая турбулентность между Россией и Западом, вызванная последствиями украинского кризиса, заместила внутри России повестку развития повесткой новой «холодной войны», цели и мотивы которой не разделяются белорусской стороной. Одновременно экономический кризис в России также существенно сократил возможности оказания кредитно-финансовой поддержки официальному Минску. При этом ее сокращение происходит на фоне неопределённости политических отношений между Минском и Москвой, которая в последнее время наращивает военно-политическое давление на белорусскую сторону (проблема создания российской авиабазы в Беларуси) с целью вовлечь Беларусь в «новую холодную войну».

В свою очередь это способствует нарастанию политической напряженности между Москвой и ее партнерами, не говоря уже о негативных экономических эффектах, которые поставили под большой вопрос реализацию целей и задач ЕАЭС. Нарастающие экономические проблемы вынуждают белорусское руководство искать новые рынки сбыта белорусской продукции, источники привлечения экономической помощи, а также прорабатывать возможность своего участия в иных интеграционных проектах, например, в Экономическом поясе Шелкового пути.

К необходимости решать проблемы экономического характера прибавляется потребность

в поиске внешнеполитического баланса, позволяющего уменьшить давление со стороны Кремля на Беларусь.

Минску удалось успешно конвертировать свои миротворческие дипломатические усилия и нейтральную в военно-политическом плане позицию по украинскому кризису в ресурс нормализации отношений с западными странами, а также повысить интерес Китая к себе как к более предсказуемому и надежному партнеру на фоне общественно-политической и военно-политической нестабильности в Украине. При этом подобное внешнеполитическое позиционирование, основанное на нейтралитете, уже приносит первые экономические дивиденды, повысив привлекательность белорусских евро-бондов для иностранных инвесторов¹. Логика развития белорусско-китайских отношений в контексте региональной ситуации демонстрирует, что Беларусь превращается в ключевое государство в Восточной Европе при реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути².

С конца октября ЕС приостановил на 4 месяца действие санкций против 170 белорусских официальных лиц, включая высшее политическое руководство Беларуси, и 20 компаний. Вслед за ЕС экономические санкции были приостановлены на полгода со стороны США. В рамках активных консультаций между Минском, Брюсселем и Вашингтоном обсуждается подготовка дорожных карт нормализации отношений и дальнейшего углубления сотрудничества по широкому спектру взаимных интересов, начиная от торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества и заканчивая вопросами гуманитарного взаимодействия.

При этом Минск не собирается нормализовать отношения с Западом в ущерб своим стратегическим обязательствам перед Россией

и евразийским интеграционным процессам, осознавая все риски от выхода из интеграционных структур на постсоветском пространстве. Но в то же время Беларусь будет всячески избегать втягивания себя в новую холодную войну на чьей-либо стороне.

В свою очередь, Кремль воспринимает процесс активизации западного вектора внешней политики Минска как потенциальную угрозу российским интересам, способную подорвать влияние России на Беларусь. Исходя из этого мотива, Москва пытается подорвать процесс нормализации, в том числе через инициативы по наращиванию своего постоянного военного присутствия на белорусской территории в виде собственной авиабазы, чему Минск всячески сопротивляется. Таким образом, в контексте отношений между Беларусью и Россией к проблеме экономической нестабильности добавляются риски политической дестабилизации.

ГОД В ЕАЭС: НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

1 января 2015 года Договор о ЕАЭС вступил в силу, ознаменовав переход к более продвинутой фазе экономической интеграции, предполагающей создание к 2025 году пространства свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также формирование скоординированных политик в ряде отраслей экономики.

Несмотря на переход к более глубокой фазе экономического сотрудничества, первые ее итоги оказались весьма скромными. Будучи конгломератом преимущественно сырьевых, зависимых от внешних рынков и технологически несамостоятельных экономик, ЕАЭС в условиях внешнеэкономических и геополитических шоков «затрепал по швам». Стремясь обеспечить положительное сальдо платежного баланса при снижении цен и спроса на внешних рынках, правительства стран – участников

1. Europe's Last Dictator Has Become the Darling of the Bond Market// <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-29/europe-s-last-dictator-has-become-the-darling-of-the-bond-market>

2. Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь// http://president.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennyj-vizit-predsedatelja-kr-si-tszinpinga-v-belarus-11366/

ЕАЭС запустили спираль девальвации национальных валют, а также взаимных ограничений на внутренних рынках. Казахстан без особой оглядки на обязательства и уровень тарифных ограничений в рамках ЕАЭС вступил в ВТО. Россия запустила ряд программ импортозамещения, не допустив к участию в них производителей из других стран ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) объясняет текущую экономическую ситуацию в государствах-членах ЕАЭС влиянием неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и неустойчивостью положения на мировых сырьевых рынках, а также накопленными в экономиках государств-членов дисбалансами, что выражается в ухудшении основных макроэкономических показателей и замедлении экономической активности. Резкое снижение цен на нефть (с сентября 2014 года по январь 2016 года среднемесячная цена на нефть марки Brent снизилась на 70%) и сокращение мирового спроса на сырьевые товары оказали негативное влияние на состояние платежных балансов государств-членов, способствовали ухудшению показателей взаимной торговли и торговли с третьими странами, оказали давление на международные резервные активы и курсы национальных валют и негативно повлияли на состояние экономик государств-членов в целом.

Замедление темпов роста в государствах-участниках СНГ, а также более низкий рост, чем ожидалось, в ЕС и КНР способствовали снижению спроса на продукцию, производимую в ЕАЭС, что в совокупности со снижением цен на основные экспортные товары увеличивает риск недополучения бюджетных доходов относительно запланированных значений и требует принятия мер по выполнению доходной и оптимизации расходной частей бюджетов государств-членов.

Так, суммарный объем внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с третьими странами за январь – ноябрь 2015 года составил \$529,7 млрд, в том числе экспорт то-

варов – \$343,1 млрд, импорт – \$186,6 млрд. По сравнению с январем – ноябрем 2014 года объем внешнеторгового оборота сократился на 34,2%, или на \$275,3 млрд, экспорт – на 33,2% (на \$170,9 млрд), импорт – на 35,9% (на \$104,4 млрд). Профицит внешней торговли составил \$156,5 млрд против \$223 млрд в январе – ноябре 2014 года³.

При этом ЕЭК также отмечает, что принятые ограничительные (санкционные) меры со стороны ряда стран по отношению к России, государству-члену ЕАЭС с крупнейшей экономикой, оказали сильное влияние в плане ограничения доступа к внешним финансовым рынкам и сокращения инвестиционной активности. В то же время посредством торгового и финансового каналов эти меры оказывают в определенной степени негативное влияние на национальные экономики других государств-членов⁴.

Объем взаимной торговли товарами за январь – ноябрь 2015 года составил \$41,6 млрд, или 73,7% к уровню соответствующего периода 2014 года. Таким образом, общее сокращение объемов взаимной торговли в январе – ноябре 2015 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составило почти \$14,9 млрд, или 26,3%. По минеральным продуктам показатель снизился на более чем \$4,7 млрд (на 25,3%), машинам, оборудованию и транспортным средствам – более чем на \$3,9 млрд (на 37,1%), металлам и изделиям из них – на почти \$2,2 млрд (на 32,7%)⁵.

Экспорт товаров из Беларусь в страны ЕАЭС снизился на 32,8%. Поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья сократились на 21,8% (35,1% общего объема

3. Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь – ноябрь 2015 года// http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_E_201511.pdf

4. Об основных ориентирах макроэкономической политики государств-членов Евразийского экономического союза на 2015–2016 годы// https://docs.eaeunion.org/sites/storage1/Lists/Documents/58ceb2ee-ecfb-4853-9413-0c66d92d9bb1/b9ab3ac8-70db-42f1-a3b0-df2daf529451_11%D0%BA.pdf

5. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза1 Январь – ноябрь 2015 года// http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Nov2015.pdf

экспорта Республики Беларусь во взаимной торговле), машин, оборудования и транспортных средств – на 37,2% (24,5%), продукции химической промышленности – на 26,8% (11,6%). При этом во взаимном экспорте вклад Беларуси уменьшился с 26,7% до 24,4%. Также как и доля взаимной торговли в рамках ЕАЭС в общем объеме внешней торговли Беларуси снизилась с 50,4% до 49,7%⁶.

Опросы руководителей белорусских малых и средних предприятий по вопросу последствий интеграции в рамках ЕЭП и ЕАЭС показывают, что респонденты стали менее оптимистичными в своих оценках влияния евразийской интеграции на их бизнес как в настоящем, так и в будущем. Несмотря на то, что респонденты полагают, что евразийская интеграция действительно снимает барьеры на пути движения продукции малых и средних предприятий и открывает возможности для экспорта, 60,8% предприятий считают, что они не смогут эффективно конкурировать на евразийском рынке (среди экспортеров таких 48,1%)⁷.

На этом фоне наблюдается и некоторое снижение поддержки и уровня привлекательности евразийской интеграции в белорусском обществе. Если в 2014 году уровень поддержки ЕАЭС достигал 68%, то уже в 2015 году он опустился на 8 процентных пунктов и составил 60%. Неоднозначно отношение белорусского общества к формированию общих наднациональных институтов ЕАЭС. Так, 34% опрошенных считают, что единая валюта скорее нужна, чем не нужна (46% годом ранее). Идею введения общих законов поддерживают 39%, против высказались 43%. Против общей армии выступают 57%, за – всего 24%. Не поддерживают создание общего органа управления ЕАЭС 43%, в то время, как 37% поддерживают эту идею.

6. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза Январь – ноябрь 2015 года// http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201511.pdf

7. Точицкая И. Оценка белорусскими малыми и средними предприятиями последствий интеграции в рамках ЕЭП и ЕАЭС// <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2015r05.pdf>

На уровне конкретных предпочтений в сфере получения образования, трудоустройства, международного сотрудничества в научной и инвестиционной сферах, молодежь Беларуси, как и региона СНГ в целом демонстрирует более скептическое отношение к взаимодействию с соседними странами постсоветского пространства, чаще отдавая предпочтение государствам ЕС и США⁸.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ НА БЕЛАРУСЬ

По-прежнему, как и в 2014 году, основное влияние экономического кризиса в России на Беларусь связано с продолжающейся рецессией и снижением покупательской способности российского рынка, нежеланием Кремля оказывать Беларуси кредитно-финансовую поддержку в прежних объемах, девальвацией российской валюты и др. факторами.

По оценкам экспертов МВФ, ослабление курса российского рубля в четвертом квартале 2014 года повлекло за собой резкое усиление давления на валютном рынке Беларуси, что в конечном итоге вызвало поэтапную девальвацию белорусского рубля относительно доллара США, начавшуюся в конце декабря. В итоге за 2015 год рост курса доллара США составил 56%. А только за январь 2016 года белорусская валюта девальвировалась еще на 12%.

В 2015 году темпы экономического роста резко замедлились и стали отрицательными в результате снижения экономической активности под воздействием высокого уровня неопределенности, сокращения реальных доходов, административных мер и снижения объема торговли с Россией. ВВП Беларуси в 2015 году сократился в реальном выражении на 3,9%,

8. Интеграционный барометр ЕАБР – 2015 (четвертая волна измерения): аналитическое резюме// http://eabr.org/general/upload/CII%20-%20izdania/2015/Barometr-2015/EDB_Centre_Report_33_Analytical_Summary_RUS.pdf

а в долларовом эквиваленте – на 26,9% – до \$54,9 млрд⁹.

Так, товарооборот Беларуси с Россией по сравнению с январем-ноябрем 2014 года сократился в стоимостном выражении на 26,7% и составил \$25,208 млрд (48,5% совокупного внешнеторгового товарооборота). В том числе экспорт в Россию – \$9,567 млрд (38,9% общего экспорта), импорт – \$15,640 млрд (57,1% всего импорта). Основная доля в импорте из России – углеводороды (более 50%).

В январе – ноябре 2015 года наблюдается существенное стоимостное падение белорусского экспорта в Россию практически по всем основным товарным группам в сравнение в аналогичным прошлогодним периодом: грузовые автомобили (на 37,5%), тракторы и седельные тягачи (на 54,5%), сельскохозяйственная техника (на 59,2%), нефтепродукты (на 64,1%), шины (на 40,2%), металлоконструкции из черных металлов (на 35,8%), черные металлы (на 59,5%), цемент (на 44,8%), изделия из цемента, бетона или искусственного камня (на 62,1%), мясо и мясные субпродукты (на 25,6%), Молоко и сливки сгущенные и сухие (на 24,4%) и др.¹⁰.

По оценкам МВФ, существенное влияние на экономическую ситуацию в Беларуси оказывает снижение темпов роста экономики в России, взаимные санкции России и ЕС, напряженная ситуация в Украине и ускоренное ослабление курса валюты в России и в Украине. Все это резко ослабило внешний спрос на этих ключевых экспортных рынках, где реализуется в совокупности 70% экспорта Беларуси помимо полезных ископаемых. Несмотря на то, что белорусский рубль потерял 60% своей стоимости по отношению к доллару США за период с февраля 2014 года по февраль 2015 года, Бе-

ларусь также утратила конкурентоспособность по сравнению с этими странами, поскольку российский рубль и украинская гривна за тот же период ослабли в еще большей мере. Резкое снижение цен на нефть во втором полугодии 2014 года имело вдвойне негативный эффект из-за дальнейшего сокращения спроса на белорусские товары в России и более низких, чем ожидалось, поступлений от экспорта продуктов нефтепереработки. А в январе – ноябре 2015 года экспорт белорусских нефтепродуктов в денежном выражении снизился на 31,9% (на \$2,93 млрд) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, экспорт нефти – на 48,9% (на \$521 млн). Таким образом, суммарно нефтяной экспорт Беларуси в январе – ноябре сократился почти на \$3,5 млрд по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года¹¹.

Учитывая, что продукты нефтепереработки составляют одну шестую объема промышленного производства и более трети белорусского экспорта, низкие цены на нефть влияют на стоимостный объем внешних операций, налоговые поступления, а в результате – на экономический рост.

Несмотря на то, что Россия согласилась отсрочить для Беларуси погашение платежей по госдолгу, приходящихся на 2015 год, и реструктуризировать задолженности на \$750 млн, белорусские власти остались не удовлетворены уровнем финансовой поддержки со стороны Москвы. В марте 2015 года Минск и Москва подписали соглашение о выделении Беларуси государственного финансового кредита на \$110 миллионов под 1,5%, хотя белорусская сторона неоднократно обращалась с просьбой о выделении кредита на сумму \$3 – 3,5 млрд.

На фоне неоправдавшихся ожиданий от интеграции в рамках ЕАЭС, а также сокращения объемов финансово-кредитной поддержки со стороны России, белорусские власти пытаются

9. Раевский М. ВВП Беларуси в 2015-ом году// <http://bdg.by/news/authors/vvp-belarusi-v-2015-om-godu>

10. Информация об экспорте и импорте товаров в торговле с государствами-членами Евразийского экономического союза в январе-ноябре 2015 г.// http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasl-statistiki/torgovlya/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/eksport-iport-so-stranami-eaes/informatsiya-ob-eksporte-i-impORTE-s-gosudarstvami-eaes/

11. Беларусь снизила экспорт нефтепродуктов почти на \$3,5 млрд.// http://naviny.by/rubrics/economic/2016/01/22/ic_news_113_469815/

ся решить экономические проблемы за счет активизации торгово-экономического сотрудничества с западными странами и Китаем, а также получить доступ к кредитным ресурсам международных финансовых институтов, прежде всего МВФ.

НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» VS ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Украинский кризис, начавшийся в конце 2013 года, явился чертой, ознаменовавшей переход России к новой парадигме выстраивания отношений с государствами постсоветского пространства, обусловленной новой геостратегией Москвы¹². До украинского кризиса российская геостратегия во многом была связана с реинтеграцией постсоветского пространства на основе принципа суверенного равенства и экономической кооперации, по модели ЕС, что воплощалось в таких проектах, как Таможенный союз, ЕврАзЭС и сейчас ЕАЭС.

В период с 2009 по 2013 годы Кремль делал акцент на формировании ЕАЭС – интеграционного образования европейского образца – как самостоятельного центра притяжения, благодаря которому Москва могла бы выстраивать равноправный диалог с Брюсселем и Пекином. Однако к концу 2013 года тупиковость усилий российских властей в сфере модернизации стала очевидной: ещё до начала украинского кризиса на 2014 год прогнозировалась стагнация либо минимальный экономический рост (0,2%). И это – на фоне запуска Китаем амбициозного проекта Экономического пояса Шёлкового пути, усилий США по формированию Транс-Тихоокеанского и Трансатлантического инвестиционного и торгового партнерств.

В этих условиях вновь вставшая проблема ев-

ропейской интеграции Украины подтолкнула Кремль к открытому изменению своего *modus operandi* на постсоветском пространстве. В качестве единственно доступного способа предотвращения европейской интеграции Украины была выбрана дестабилизация данного государства. Это стало первым широко известным проявлением новой геостратегии России, заключающейся в контроле над постсоветским пространством не через выстраивание интеграционных институциональных рамок, а через управление конфликтной динамикой.

Сырьевая модель экономики России, особенно на фоне сомнительных перспектив восстановления цен на энергоресурсы в ближайшие годы, не позволяет ей выступить в качестве полноценного центра интеграционного притяжения, даже при глубокой взаимозависимости и культурной близости экономик и обществ постсоветского пространства. Давление ЕС с одной стороны, Китая с другой, а в перспективе – быстро развивающегося Ирана на южном фланге ведёт к стремительной утрате Москвой своего влияния на постсоветском пространстве.

Последствия украинского кризиса в виде геополитической напряженности между Россией и Западом создали необходимый фон для подмены Кремлем повестки экономического развития повесткой новой «холодной войны», оправдывающей переход к мобилизационной модели в сфере политики и легитимизирующей неспособность российских властей решать значимые социально-экономические проблемы, природа которых укоренена в самой политико-экономической модели.

На этом фоне Кремль все меньше и меньше демонстрирует интерес к реальной экономической интеграции, подменяя ее инициативами, направленными на превращение ЕАЭС в полюс противостояния с Западом. Это очень хорошо иллюстрируется, например, тем фактом, что на полях Евразийского межправительственного совета в сентябре 2015 года в Гродно российская сторона собиралась обсуждать, в том числе, вопрос

12. Сивицкий А., Царик Ю. Новая геостратегия России: последствия и вызовы для архитектуры международной безопасности// <http://csfps.by/files/New-Russian-geostrategy.pdf>

создания российской авиабазы на территории Беларуси. Ранее российский президент Владимир Путин поручал Центробанку и правительству России проработать до 1 сентября вопрос о целесообразности создания валютного союза в ЕАЭС, хотя согласно достигнутым договоренностям этот вопрос должен рассматриваться не ранее 2025 года. А в конце августа Владимир Путин внес в Госдуму России законопроект, который предполагает переход на торговлю за местные валюты не только в рамках ЕАЭС, но и в СНГ. Все эти шаги при всей их очевидной неуместности как в силу объективных обстоятельств (высокая волатильность курсов национальных валют, серьезная зависимость национальных экономик от внешнеэкономической конъюнктуры), так и скептической позиции ряда государств ЕАЭС, особенно Беларуси и Казахстана, сопровождались активной пропагандистской кампанией в российских медиа, продвигающей идею создания «альтернативного полюса силы в виде ЕАЭС, противостоящего Западу» в различных сферах – начиная от финансово-экономической (отказ от доллара) и заканчивая военно-политической (углублением интеграции в военной сфере и между спецслужбами перед внешней угрозой в лице Запада).

Таким образом, подменяя повестку экономического развития повесткой новой «холодной войны», Россия, с одной стороны, оправдывает свою неспособность соблюдать взятые на себя формальные и неформальные обязательства в рамках ЕАЭС, а с другой стороны – создает необходимый фон для вовлечения постсоветских государств в геополитическое противостояние с Западом и соперничество с другими региональными (Иран) и глобальными (Китай) центрами силы.

БЕЛАРУСИ

С 1 января 2015 года Республика Беларусь стала первым председателем в ЕАЭС (ротация статуса председателя осуществляется между странами один раз в год в алфавитном порядке). В рамках своего председательства белорусское руководство сразу же озвучило собственное видение приоритетов развития интеграционного объединения. В Обращении Александра Лукашенко к главам государств – членов ЕАЭС¹³, в частности, были названы следующие предложения:

- принять меры по скорейшему переходу к согласованной, а в перспективе – и к единой промышленной и агропромышленной политике;
- ускорить разработку и принятие основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза;
- обеспечить безусловное начало функционирования с 1 января 2016 г. единых рынков лекарственных средств и медицинских изделий;
- начать практическую реализацию положений Договора, предусматривающих совместные действия по развитию экспорта.

Кроме того, в тексте Обращения делается акцент на следующие приоритеты белорусского председательства:

- скорейшая отмена всех изъятий и ограничений в рамках ЕАЭС;
- развитие интеграционных процессов в сфере услуг;
- таможенно-тарифная и нетарифная защита единого таможенного пространства, в том числе – в контексте вступления государств – членов ЕАЭС в ВТО;

АНТИКРИЗИСНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

13. Обращение к главам государств – членов Евразийского экономического союза// http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-ekonomicheskogo-sojuza-10649/

▪ создание механизмов функционирования ЕАЭС в условиях применения одним из государств–членов односторонних мер защиты рынка в отношении третьих государств (имелись в виду ограничительные меры, введённые Россией против Украины, а также государств ЕС в контексте украинского кризиса).

Данные приоритеты были подтверждены и детализированы премьер-министром Республики Беларусь Андреем Кобяковым в ходе первого заседания Евразийского межправительственного совета, прошедшего 6 февраля 2015 г. в Подмоскowie. В частности, были озвучены такие приоритеты развития ЕАЭС, как создание единого энергетического рынка, принятие системы мер по импортозамещению и совместному наращиванию экспорта, ликвидация изъятий и ограничений, гармонизация макроэкономической политики (в первую очередь – с целью предотвращения «валютных войн»), информационный обмен о ходе переговоров участников ЕАЭС с ВТО, создание эффективного механизма контроля реализации принимаемых решений¹⁴.

Таким образом, белорусская повестка дня в рамках ЕАЭС была целиком определена теми негативными эффектами, которые в полной мере проявились на постсоветском пространстве сразу после начала украинского кризиса и параллельного с ним экономического кризиса в Российской Федерации. Резкое сжатие российского рынка, снижение доходов от экспорта энергоносителей, двукратная девальвация российского рубля в декабре 2014 года поставили белорусских экспортёров перед угрозой многократного сокращения объёма поставок. Учитывая, что в промышленности Беларуси за-

нято более 900 тыс. человек, именно использование механизмов ЕАЭС для поддержания собственного производителя стало главным и естественным приоритетом Минска.

Параллельно взаимное введение Россией и странами Запада совместно с Украиной санкций и ограничений друг против друга (не поддержанное партнёрами Москвы по интеграции – Беларусью и Казахстаном) привело к юридической неопределённости при осуществлении торговых и транзитных операций стран ЕАЭС с «санкционными» странами. Эта ситуация, как и «сепаратные» переговоры Казахстана с ВТО, являлась источником потенциальных конфликтов и дезинтеграционных тенденций в ЕАЭС. Поэтому подтверждение повестки, предусматривающей ликвидацию изъятий и ограничений имело первостепенное значение для Минска. Более того, как показало дальнейшее развитие событий, именно в этой сфере и возникло наибольшее количество конфликтных ситуаций.

Сохранение и дальнейшая интеграция энергетического рынка является традиционным приоритетом Беларуси в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. А стремление к формированию единого рынка фармацевтических препаратов обусловлено ускоренным развитием в стране фармацевтической отрасли, в том числе – во взаимодействии с китайскими и иными иностранными партнёрами.

В рамках работы над формированием скоординированной промышленной политики как центрального пункта своего председательства, Республика Беларусь выдвинула инициативу создания формального документа, предусматривающего интеграционные механизмы, позволяющие укрепить данное измерение ЕАЭС. Таким документом стали утверждённые решением Евразийского Межправительственного Совета Основные положения промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

Работа над положениями шла девять месяцев, что было связано с большим количеством

14. Маненок Т. ЕАЭС: нужна работа над ошибками// <http://www.belmarket.by/ru/314/30/25373/%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1-%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%B0-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0-%D0%BD%D0%B0%D0%B4-%D0%BE%D1%88%D0%B8%D0%B1%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8.htm>

Андрей Кобяков провел первое заседание Евразийского межправительственного совета// <http://www.government.by/ru/content/5823>
Интервью начальника управления евразийской интеграции Министерства иностранных дел Беларуси Алексея Самосуева газете «Звязда» (24 февраля 2015 г.)// <http://mfa.gov.by/press/smi/be92c0b64fe5a715.html>

разногласий между сторонами. В итоге был одобрен документ¹⁵, содержащий преимущественно общие положения и большое количество отсылочных норм. Положения документа в основном имеют декларативный характер, обозначая при этом целый ряд перспективных направлений интеграции, имеющих большое значение для промышленного развития стран ЕАЭС. В частности, речь идёт о создании единой системы субконтрактации, единого инжинирингового центра, сети трансфера технологий, технологических платформ, финансировании приоритетных проектов и направлений, а также об устранении барьеров в рамках ЕАЭС. Однако очевидно, что даже при самых благоприятных условиях ощутимые результаты от изложенных в документе мер могут появиться лишь через несколько лет. Характерно, что белорусская сторона не стремится широко освещать собственные успехи в деле продвижения такого стратегически важного вопроса, как промышленное сотрудничество в рамках ЕАЭС. Не претендует Минск и на размещение Евразийского инжинирингового центра, который будет расположен в Астане или в Ереване¹⁶.

В целом же акцент белорусской стороны на активизации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС не принёс удовлетворительных результатов. За 2015 год промышленное производство снизилось на 6,6%, а экспорт в страны ЕАЭС – на 32,8%. Причём, экспорт в ЕАЭС сокращался быстрее, чем экспорт в страны вне СНГ (спад лишь на 15,9%).

15. Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза// https://docs.eaeunion.org/sites/storage1/Lists/Documents/f6846419-1410-418c-a257-9f163ec5b14b/3adfa8ee-91d9-4393-a31b-98bc7ae92b7a_%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%E2%84%96%209.pdf

16. Основные направления промышленного сотрудничества позволят получить эффект от совместного развития промышленного производства // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-09-2015-4.aspx>

На заседании Евразийского межправительственного совета приняты Основные направления промышленного сотрудничества стран ЕАЭС// <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09-09-2015-1.aspx>

Представители ЕЭК обсудили с экспертами перспективы развития машиностроительной отрасли в рамках ЕАЭС// <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07-10-2015-9.aspx>

Помимо экономического кризиса важным фактором ухудшения ситуации стала открытость российского рынка для внешних поставок оборудования, продукции машиностроения и других товаров, производимых в Беларуси. По ряду товарных позиций (например, в нише грузовых автомобилей, где активную экспансию развернула японская компания Isuzu) внешние поставки оказались весьма болезненными для белорусских поставщиков.

Кроме того, поставки на российский рынок обернулись не только потерями, связанными с девальвацией российской валюты, но и вновь остро вставшей проблемой неплатежей со стороны российских покупателей. Данный вопрос несколько раз поднимался Президентом страны в публичных выступлениях, а также становился предметом внимания правоохранительных органов.

В итоге в течение года Беларусь была вынуждена рассматривать именно задачу диверсификации экспорта как основную, несмотря на многочисленные сигналы российских и про-российских экспертов о якобы открывающихся для белорусских производителей новых нишах на российском рынке.

Второе важнейшее направление усилий Минска в рамках евразийской интеграции – обеспечение функционирования единого рынка без изъятий и ограничений – также не принесло решительных положительных результатов в 2015 году. Скандалы, связанные с обвинением белорусской стороны в неправомерном реэкспорте «санкционной продукции», продолжались в течение всего года¹⁷. Критические замечания по этому поводу вынуждены были делать руководители всех уровней. Если в отношениях Беларуси и России распространённой практикой стало введение запрета на поставки отдельных

17. Сидорский вступился за белорусские продукты в РФ: Попытки придраться набили оскомину

//<http://news.tut.by/economics/470560.html>

Россельхознадзор грозит новыми неприятностями Беларуси// <http://news.tut.by/economics/470200.html>

Мясникович: Работа по устранению ограничительных барьеров в ЕАЭС идет вяло// <http://news.tut.by/economics/464914.html>

партий или всей продукции отдельных производителей (переработчиков) по санитарным и фито-санитарным показаниям, то со стороны Республики Казахстан в рамках ЕАЭС применялась практика прямого нормативного запрета поставок отдельных видов продукции как таковой. В частности, таким образом казахстанское правительство вынуждено было отреагировать на резко возросший поток импорта из России, обусловленный девальвацией российского рубля, в приграничных регионах. Таким образом, 2015 год был отмечен резко возросшим уровнем ограничений во взаимной торговле по сравнению с 2013 – 2014 годами.

Не увенчались успехом и попытки обеспечить взаимную координацию усилий государств – членов ЕАЭС при ведении переговоров с ВТО. Вступление в ВТО Республики Казахстан было осуществлено с закреплением меньшего уровня защиты внутреннего рынка, чем тот, который был согласован при вступлении Российской Федерации. Это означает в перспективе либерализацию режима внешней торговли всего ЕАЭС, что прямо противоречит интересам Республики Беларусь и её производителей. И хотя механизм информационного обмена по вопросу вступления в ВТО действительно эффективно работал, как это и предусматривалось соответствующими соглашениями, в основном это обеспечивалось в рамках двустороннего формата отношений сторон.

Таким образом, в течение 2015 года Беларусь смогла существенно продвинуть целый ряд антикризисных инициатив, выдвинутых под влиянием резкого ухудшения экономической ситуации в регионе. Однако получить от них реальный ощутимый эффект белорусскому руководству не удалось. Те уступки по условиям поставок российских энергоносителей в Беларусь, которые были пролоббированы в ходе жёсткого переговорного процесса в преддверии запуска ЕАЭС, так и остались главным приобретением Минска от участия в евразийской интеграции. Впрочем, белорусской стороне ещё только предстоит получить первое перечисление экспортных таможенных пошлин (в объёме более \$1 млрд) в то время как внутри

России растёт оппозиция нефтяных компаний предпринятому российским правительством налоговому манёвру, на котором и была основана схема взаимоотношений Минска и Москвы по вопросу поставок энергоносителей.

ЕАЭС: СОМНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Как было отмечено выше, украинский кризис стал одновременно и важнейшим фактором, обусловившим специфику интеграционных процессов в рамках ЕАЭС в 2015 году, и фактором, подрывающим эти процессы как таковые. Односторонние действия Москвы в 2014 – 2015 годах, как в экономической, так и в военно-политической сферах, подорвали взаимное доверие участников ЕАЭС и заставили каждую из сторон более жёстко реализовывать приоритет национальных интересов перед общими, «интеграционными». Результатом этих действий стали взаимные ограничительные меры сторон, фактически «сепаратное» вступление Казахстана в ВТО и ряд других негативных последствий (см. выше). Данные последствия были дополнены негативной экономической динамикой, связанной с падением цен на нефть, действием санкций и соответствующими последствиями для российской экономики. Вслед за ней в рецессию втянулась и белорусская экономика, а экономика Казахстана вплотную приблизилась к стагнации. Развернувшиеся валютные войны привели к существенному снижению уровня жизни населения во всех трёх странах. Как результат, в Беларуси и других странах ЕАЭС резко снизились ожидания бизнес-сообщества, связанные с интеграционными процессами.

Впрочем, негативные последствия военно-политического кризиса в Украине не ограничивались сферой экономики. Под влиянием агрессивной внешней политики России, построенной на основе националистических императивов, резко возросла обеспокоенность руководства

Беларуси и Казахстана относительно возможных сценариев дестабилизации на их территории. Особую актуальность данный вопрос приобрёл для Республики Беларусь, где в 2015 году состоялись пятые президентские выборы.

С июня 2015 года по настоящее время Минск подвергался масштабному давлению со стороны Москвы по вопросам военно-политического сотрудничества. В частности, российская сторона форсировала вопрос размещения на территории Беларуси собственной военной базы. Несмотря на обозначенную ещё в июне 2015 года позицию Минска о политической нецелесообразности такого шага, Москва не только вновь поставила вопрос на повестку дня в августе 2015 года, но и провела необходимые внутригосударственные процедуры для подписания соответствующего соглашения (включая одобрение проекта соглашения на уровне президента страны).

В связи с огромным конфликтным потенциалом данной ситуации ряд наблюдателей отмечали реальную угрозу попытки смены режима в Беларуси со стороны Российской Федерации. Тем не менее, белорусское руководство не изменило свою позицию и в открытой форме отказалось размещать российскую военную инфраструктуру на своей территории. Однако Москва дала понять, что вопрос не снят с повестки дня. Помощники президента России несколько раз заявляли о том, что обсуждение вопроса с белорусской стороной продолжается, что, впрочем, резко контрастировало с заявлениями самой белорусской стороны.

В связи с кризисом возросли политические риски в Казахстане, на территории которого проживает многочисленное русское меньшинство. Так, в августе 2015 года был задержан и направлен в психиатрическую лечебницу пророссийский журналист Ермек Тайчибеков, призывавший к вхождению Казахстана в состав России. Имели место и ряд других инцидентов.

В ответ на политические вызовы белорусское и казахстанское руководства активизировали дипломатические усилия с целью закрепить свою

международную роль и таким образом обеспечить собственную внешнюю легитимность. В данном контексте возникло даже некоторое соперничество между Минском и Астаной по вопросу об участии в мирном урегулировании в Украине. Однако в итоге попытка казахстанского руководства заменить минскую площадку на астанинскую не увенчалась успехом.

БЕЛАРУСЬ В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВ

Сформировавшаяся в результате украинского кризиса модель взаимодействия партнёров по ЕАЭС имеет характер «двойной игры». Каждая из сторон, участвуя в интеграционных процессах, одновременно продвигает собственную повестку дня как в порядке односторонних действий, так и в рамках участия в интеграционных процессах. При этом забота об интеграции, помимо популярной риторики, связана в первую очередь с большей пригодностью многосторонних механизмов для лоббирования собственных интересов. По большому счёту, такую ситуацию можно признать вполне нормальным состоянием сотрудничества независимых государств с различающимися политическими и экономическими моделями. Проблема, однако, возникает в тот момент, когда в силу резких односторонних действий ставки во взаимодействии партнёров резко повышаются, как это произошло после украинского кризиса, а «интеграционные» интересы в силу чрезмерной активности одного из партнёров (в данном случае – России) начинают прямо противоречить национальным интересам.

Новая ситуация, в которой возникло неустрашимое противоречие между национальными интересами и интересами интеграционными, а большинство ожидаемых «бонусов» от интеграции были сведены на нет экономическим кризисом, заставила партнёров по ЕАЭС искать приемлемые альтернативы «евразийскому вектору». С точки зрения риторики данная новая ситуация не породила каких-то новых тенден-

ций в поведении Минска. Акцент на развитии отношений со странами «дальней дуги» звучал в выступлениях белорусского руководства, как минимум, с середины первого десятилетия XXI века. Однако 2015 год был отмечен принципиально иной практикой на данном направлении по сравнению с предыдущими годами.

С момента начала украинского кризиса Беларусь активизировала свою дипломатию на двух стратегических направлениях – в западном и китайском.

В отношениях с ЕС и США за неполные 11 месяцев 2015 года был достигнут такой прогресс, который не был возможен со времени введения первых санкций против белорусского руководства в 2004 году. Главным публичным приоритетом при этом была нормализация отношений с прицелом на развитие социально-экономического сотрудничества, а также совместное движение к упрощению визового режима. Здесь стороны достигли принципиального решения о приостановке действия антибелорусских санкций ЕС и США после проведения президентских выборов в Беларуси в начале ноября 2015 года, сдержанно оцененных западными наблюдателями. В этот же период был озвучен целый ряд проектов, в финансировании которых ключевую роль играют страны ЕС и США. Крупнейшим из них может быть кредит МВФ под проведение экономических реформ. Показательным стало и то, что именно европейские компании выполняли заказ по изготовлению новой белорусской валюты (в 2009 году), внешне похожей на евро, введение которой было анонсировано за день до инаугурации Александра Лукашенко на пятый срок.

Тем не менее, в отношениях с ЕС приоритетное значение имеют именно институциональные аспекты, в то время как большую часть конкретных проектов планируется реализовать в партнёрстве с КНР. Главный совместный проект – создание крупнейшего в Европе китайско-белорусского индустриального парка «Великий Камень» – должен, по замыслу создателей, обеспечить приток в Беларусь инвестиций в размере нескольких десятков миллиардов долларов,

что будет способствовать созданию сотен тысяч новых рабочих мест, в основном в высокотехнологичных секторах промышленности и услуг, при участии ведущих китайских и других иностранных корпораций. Успешная реализация данного проекта напрямую зависит и от общей способности белорусского руководства обеспечивать военно-политическую стабильность на своей территории, и от успешного решения им задачи нормализации отношений с ЕС, поскольку значительная часть планируемой к производству продукции будет предназначена для экспорта в европейские страны.

Экономически и политически значимым направлением работы белорусской дипломатии в 2015 году стал поиск возможностей для расширения военно-технического сотрудничества. Фактически Беларусь стала активным поставщиком вооружений для Украины, стран Ближнего Востока, расширила своё присутствие в Индонезии. В ряде случаев новые возможности для сотрудничества открывались в силу благоприятной для Минска позиции США и других западных стран.

В случае сохранения прежней динамики политических отношений и экономической ситуации в рамках ЕАЭС, со странами ЕС, США и КНР, а также при условии проведения эффективных внутренних реформ уже в 2016 году альтернативные постсоветскому векторы внешней политики и экономики Беларуси могут стать более значимыми, чем сотрудничество с Россией и странами СНГ. Особенно учитывая неизбежный виток экономического кризиса в Российской Федерации, который ещё более сократит для Беларуси возможности извлекать прибыли в традиционных секторах экономического сотрудничества.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Сложившаяся к концу 2015 года ситуация в регионе Центральной и Восточной Европы ставит перед белорусским руководством несколько

серьёзных вызовов, каждый из которых несёт как серьёзные угрозы, так и потенциальные новые возможности.

Главный вызов – продолжающаяся угроза политической независимости, которая обусловлена нарастающей напряжённостью в отношениях между Россией и странами Запада. Российская Федерация, зашедшая в очевидный тупик при попытке легитимировать свои территориальные приобретения 2014 года через участие в антитеррористической коалиции в Сирии, по-прежнему нуждается во внешних конфликтах для легитимации власти в условиях падающего уровня жизни населения. Постсоветское пространство является наиболее удобным театром для реализации подобного императива, а Беларусь, как страна, находящаяся под обширным влиянием Москвы, является наиболее удобной «жертвой» такой преднамеренной дестабилизации. Таким образом, белорусское руководство стоит перед задачей обеспечения реальной независимости от Российской Федерации, прежде всего, в сферах политики и национальной безопасности. Выполнить эту задачу весьма непросто, однако успех в данном вопросе резко расширит возможности Минска во всех сферах жизни страны.

Второй вызов – невозможность дальнейшего сохранения существующей в Беларуси экономической модели. Даже при полностью благоприятном развитии ситуации в рамках ЕАЭС экономический кризис в России будет и далее сокращать возможности белорусских производителей получать прибыль на российском и других постсоветских рынках. Значительная часть белорусского промышленного потенциала, ориентированного на рынки ЕАЭС, не может быть даже сохранена в условиях следующей фазы экономического кризиса. Обеспечить же реальную модернизацию всех этих производств невозможно даже при условии получения дополнительных финансовых средств, будь то российский кредит или кредит МВФ. Фактически глубокая, структурная экономическая реформа в течение следующих пяти лет является абсолютной неизбежностью. Вопрос состоит в том, сможет ли белорусское руководство про-

вести её, сохраняя и укрепляя собственную легитимность и смягчая её негативные эффекты, или же непопулярные, «шоковые» меры будут сопряжены с разрушением общественно-политической стабильности в стране.

Третий вызов – состояние международной среды, которое может быть охарактеризовано как «новое сдерживание». В условиях обостряющейся борьбы между Россией и странами Запада Беларуси необходимо избежать вовлечения в логику эскалации напряжённости и реализовать заявленную президентом А.Лукашенко ещё в 2011 году повестку «интеграции интеграций». Возможен ли этот сценарий в условиях «нового сдерживания»? Каким образом Беларусь, будучи формальным союзником России, может избежать участия в противостоянии, которое Москва навязывает западным партнёрам и своим непосредственным соседям? Может ли, например, потенциал строящейся белорусской атомной электростанции или китайско-белорусского индустриального парка быть реализован в том числе и на рынке стран ЕС? Какое место в международном разделении труда может позволить Беларуси успешно развиваться и реализовывать «интеграцию интеграций» в условиях «нового сдерживания»? Эти вопросы остаются открытыми и от их решения зависит устойчивость тех результатов, которые могут быть достигнуты белорусским руководством при успешном ответе на первые два вызова.

В рамках указанных трёх ключевых вызовов Минску предстоит в ближайшее время сделать и отстоять целый ряд выборов. Заявленное Российской Федерацией намерение опережающими темпами реализовать идею единой валюты ЕАЭС, существующие планы по резкому усилению военного потенциала и активности ОДКБ (и уже сделанные соответствующие кадровые перестановки), возможный новый политический кризис в Украине – во всех этих ситуациях белорусское руководство будет вынуждено делать сложный выбор в пользу независимой внешней и внутренней политики, но при этом стремиться не испортить отношения со своим союзником – Российской Федерацией.

В этих условиях сохранение и укрепление ЕАЭС как концептуальной и институциональной рамки межгосударственных отношений, основанной на принципе суверенного равенства, остаётся важным приоритетом для Минска. Беларусь заинтересована не только в реальном существовании единого рынка на пространстве ЕАЭС, но и в том, чтобы ЕАЭС и логика евразийской интеграции на основе принципа суверенного равенства оставались важным фактором принятия решений в России. Однако, в условиях непредсказуемости внешней политики Российской Федерации, данные усилия неизбежно будут иметь второстепенное значение в сравнении с поиском и укреплением альтернатив сотрудничеству на постсоветском пространстве.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

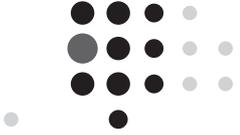
Несмотря на сомнительные итоги первого года существования и функционирования ЕАЭС, белорусские власти по-прежнему рассматривают для себя евразийскую интеграцию в качестве приоритетного внешнеэкономического вектора. Все прошедшее время, с момента запуска ЕАЭС, усилия Беларуси в рамках своего председательства были направлены на устранение кризисных тенденций, с которыми столкнулась не только белорусская экономика, но и экономики ее партнеров. Белорусское руководство озвучило собственное видение приоритетов развития интеграционного объединения и разработала пакет антикризисных мер, необходимых для реализации в рамках ЕАЭС. Несмотря на то, что белорусские предложения были формально поддержаны всеми участниками ЕАЭС, они так и остались лежать на бумаге, не приведя к какому-либо значительному результату.

Однако сложившаяся к концу 2015 года ситуация в регионе, обусловленная украинским кризисом и геополитическим противостоянием между Россией и Западом, создала для

белорусского руководства как потенциальные риски, так и новые возможности.

Помимо кризиса евразийских интеграционных процессов, негативного влияния экономического спада в России и других государствах ЕАЭС на национальную экономику Беларуси, белорусские власти испытывают на себе масштабное военно-политическое давление со стороны Кремля, направленное на вовлечение Беларуси в геополитическое противостояние между Россией и Западом. Внутри России повестка экономического развития была заменена повесткой новой «холодной войны», обусловившей усиление военно-политической активности как на постсоветском пространстве, так и за его пределами, а также попытками политизировать евразийские интеграционные процессы и превратить ЕАЭС в полюс противостояния с Западом в различных сферах – начиная от финансово-экономической (отказ от доллара) и заканчивая военно-политической сферой (углублением интеграции в военной сфере и между спецслужбами перед внешней угрозой в лице США и НАТО).

Именно миротворческая дипломатическая позиция и военно-политический нейтралитет Беларуси позволил Минску не только начать процесс выхода из внешнеполитической изоляции, но и открыл окно возможностей для выстраивания отношений качественно нового уровня с партнерами на Западе и Востоке. Наличие такого окна возможностей было подтверждено не только усилиями белорусской стороны, но и заморозкой санкций со стороны ЕС и США, а также углублением всестороннего стратегического партнерства с Китаем и превращением Беларуси в важного партнера в реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути. Белорусские власти рассматривают углубление сотрудничества с западными и восточными партнерами прежде всего как способ решения тех экономических проблем, с которыми столкнулась Беларусь из-за кризиса евразийской интеграции, а также как инструмент внешнеполитического балансирования, позволяющего уменьшить давление на суверенитет со стороны Кремля и предот-

вратить втягивание в новую «холодную войну» между Россией и Западом. При этом Минск не готов углублять свои отношения с западными и восточными партнерами в ущерб своим стратегическим обязательствам в рамках евразийских интеграционных процессов, а также отношений с Россией.

Однако, чтобы в полной мере раскрыть потенциал сотрудничества с западными и восточными партнерами, белорусской стороне необходимо проделать немалую работу в плане реформирования и модернизации национальной экономики в соответствии с рекомендациями МВФ, Всемирного банка и экспертов из Китая, создания инвестиционного и бизнес-климата, соответствующего мировому уровню и ожиданиям западных и китайских инвесторов.

Необходима серьезная работа по поиску институциональных рамок сотрудничества. Если в отношениях Беларуси и Китая такие институциональные рамки уже имеются (Декларация об установлении отношений всестороннего стратегического партнерства, Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой), то в западном направлении необходим поиск таких форм, при которых не будут поставлены под сомнение обязательства Беларуси в рамках ЕАЭС. В качестве таковых может рассматриваться не только вступление Беларуси в ВТО, но и заключение рамочного соглашения с ЕС (по примеру Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве ЕС и Казахстана или усеченного Соглашения об ассоциации/Зоне свободной торговли с Арменией, учитывающего членство в ЕАЭС), а также рамочного соглашения с США о торговле и инвестициях (по примеру Казахстана и Армении), а также возобновление доступа к Генеральной системе преференций ЕС (каковой имеется у Армении) и др. Подобные шаги станут возможными лишь после полноценной нормализации отношений между Беларусью и Западом по всему спектру направлений сотрудничества, в том числе – в сфере развития институтов демократии и прав человека.

Вместе с тем нельзя исключать того, что в случае сохранения длительной геополитической напряженности между Россией и Западом с усиливающимися внешнеэкономическими и внешнеполитическими изоляционистскими тенденциями, ЕАЭС может постигнуть печальная судьба предыдущих интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Попытки превратить ЕАЭС в полюс противостояния в рамках новой «холодной войны» являются обреченными. В этом контексте диверсификация торгово-экономических и институциональных отношений с различными государствами и интеграционными блоками является приоритетной задачей для Беларуси, особенно на фоне формирующихся Транс-Тихоокеанского и Трансатлантического инвестиционного и торгового партнерств наряду с китайскими проектами Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века.

Авторы

Арсений Сивицкий – директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований

Юрий Царик – председатель Наблюдательного совета Центра стратегических и внешнеполитических исследований

Использование опубликованной Фондом имени Фридриха Эберта информации в коммерческих целях запрещается без письменного согласия Фонда.

Взгляды, опубликованные в этой работе, не обязательно являются взглядами Фонда имени Фридриха Эберта.